

УДК 94(47).084.3«1920/1929»

Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.)

Филимонов А.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет», Псков (Россия)

Россия исторически сложилась и на протяжении всей своей многовековой истории функционировала в качестве многонационального государства. Многонациональный характер ее прослеживается и в судьбе отдельных регионов, особенно приграничных, где состав населения был смешанным. Это постоянно требовало от местных органов власти учета национальных особенностей и проведения соответствующих мероприятий в отношении «национальных меньшинств».

Цель статьи — проследить динамику численности белорусского населения в одной из приграничных российских губерний — Псковской в первое послереволюционное десятилетие, проанализировать основные мероприятия партийных и советских органов в «белорусском» вопросе, особенно в сфере языка и культуры.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе документов псковских архивов — Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), материалов всеобщих переписей населения и сообщений местной периодической печати. Основные методы — сравнительный анализ, описательный, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. В дореволюционный период и в первые годы после 1917 г. доля белорусского населения в общей массе жителей Псковской губернии была невелика, что обусловило отсутствие какой-либо целенаправленной политики властей в «белорусском» вопросе. Положение изменилось с присоединением к ней трех уездов упраздненной Витебской губернии (1924 г.), в значительной мере населенных белорусами. Партийным и советским органам губернии пришлось преодолевать недооценку важности работы с белорусским населением, и в русле директив и указаний «центра» принимать меры по распространению в местах компактного проживания белорусов родного языка, открытию национальных школ и организации культпросветучреждений.

Заключение. Партийные и советские органы Псковской губернии, а с 1927 г. — образованных вместо нее Псковского и Великолукского округов провели определенные мероприятия по изучению положения белорусского населения, расширению использования им родного языка в школах, клубах, избах-читальнях и др. Однако усилия эти оказались малоэффективными как по причине почти полного «обрусения» белорусов, так и слабого экономического тяготения районов Псковщины к Беларуси.

Ключевые слова: белорусское население, национальные меньшинства, национальная политика, губернский комитет, родной язык, изба-читальня, национальная школа.

(Ученые записки. — 2016. — Том 22. — С. 45–55)

Belarusians in Pskov Region (the 1920's)

Filimonov A.V.

Federal State Educational Institution of Higher Education «Pskov State University», Pskov (Russia)

Russia has historically been, and throughout its long history functioned as a multinational state. Its multinational nature is traced in the fate of some regions, especially the border ones, where the composition of the population was mixed. Local authorities were constantly required to take into account national peculiarities and act accordingly in respect of national minorities.

The purpose of the article is to trace the population dynamics of the Belarusian population in one of the Russian border provinces — Pskov in the first post-revolutionary decade, to analyze the main events of Party and government bodies in the «Belarusian» issue, especially in the field of language and culture.

Material and methods. The study was prepared on the basis of the Pskov document archives — the State Archive of Pskov Region (GAPO) and the State Archive of the Recent History of Pskov Region (GANIPO), materials of general census of the population and local periodicals. Basic methods are comparative analysis, descriptive, historical, systematic, historical and typological.

Findings and their discussion. In pre-revolutionary period and the first years after 1917, the share of the Belarusian population in the total mass of the inhabitants of Pskov Province was low, which resulted in the absence of any deliberate policy of the authorities in «Belarusian» issue. The situation changed with the accession to it of three districts of the abolished Vitebsk Province abolished (1924), largely populated by Belarusians. Party and Soviet bodies of the Province had to overcome the underestimation of the importance of working with the Belarusian population, and in line with the guidelines and instructions of the «center» to take steps to spread in the areas the native language of Belarusians, to open national schools and cultural and educational institutions.

Conclusion. Party and government bodies of Pskov Province, and from 1927 the established instead of it Pskov and Velikiye Luki Districts, carried out some events to study the situation with the Belarusian population, to increase the use of their mother tongue in schools, clubs, reading rooms, etc. These efforts, however, proved ineffective, both because of the almost complete «Russianization» of the Belarusians and the weak economic inclination of Pskov areas to Belarus.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kafotist@pskgu.ru — А.В. Филимонов

Key words: *Belarusian population, national minorities, national policy, Provincial Committee, the native language, reading-room, national school.*

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 22. — P. 45–55)

Россия исторически сложилась как многонациональное государство, что проявлялось в смешанном составе населения отдельных регионов страны, хотя и в неодинаковой степени. Так, многонациональный характер населения России был мало типичен для традиционно «русской» Псковской губернии, где с давних пор, несмотря на близость ее к Беларуси и прибалтийским губерниям, преобладали славянские народы, и прежде всего русские. В дореволюционное время названием «русские» нередко объединялись три славянских народа: великороссы (русские), малороссы (украинцы) и белорусы (белорусы), хотя эти национальности учитывались и по отдельности. Так, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на основании позиции о родном языке (в Переписном листе отсутствовала графа «национальность» и присутствовал пункт «родной язык») в Псковской губернии числился помимо значительно преобладавших «великороссов» 2321 белорус, из которых подавляющая часть проживала в сельской местности (среди горожан их было всего 74 чел.). Больше всего белорусов находилось в Холмском, Порховском и Псковском уездах (всего уездов в губернии было 8), но в общей массе населения губернии доля их была очень небольшой — всего лишь 0,21% [1, с. 2, 48].

Это положение почти не изменилось и в первые послереволюционные годы. Хотя Всероссийская перепись населения 1920 г. выявила в Псковской губернии наличие 40 национальностей, на долю русского населения приходилось 96,8%. Численность же белорусов после предыдущей переписи даже уменьшилась, составив всего 1590 чел. Почти половина этого количества приходилась на Великолукский уезд, еще более 40% — на Холмский, Псковский и Торопецкий, в остальных же уездах число их было ничтожно малым (например, в Новоржевском уезде — всего 3 чел.); 2/3 всех белорусов проживали в сельской местности [2, с. III, 42].

Значительно увеличило долю «национальных меньшинств» в среде населения губернии присоединение к ней в 1924 г. трех уездов упраздненной Витебской губернии (Себежского, Невельского и Велижского), где проживало значительное число поляков, евреев и белорусов. Хотя 60% жителей указанных уездов были русскими, на втором месте после них стояли белорусы, на долю которых приходилось 35%. В Невельском уезде

45% всех белорусов были сельскими жителями, в то время как среди горожан они занимали всего 4,5% [3, д. 1500, л. 11, 13]. Поскольку Витебская губерния относилась к территории Беларуси, то при упразднении ее и передаче нескольких уездов Псковской губернии закономерно возникли вопросы, связанные с проведением линии границы, передачей имущества, учреждений и др. Поэтому во исполнение постановления Президиума ВЦИК от 24 марта 1924 г. была создана белорусско-псковская согласительная комиссия, приступившая к работе 31 марта в Витебске. Она действовала в течение нескольких недель, решив в числе прочих и множество возникавших спорных вопросов. Так, например, Витебский губернский съезд Советов постановил, что все уезды упраздняемой губернии, в которых преобладает белорусское население, должны отойти к Беларуси, и в связи с этим выразил неудовольствие тем, что Себежский уезд, в составе населения которого 31,8% составляли белорусы, отходит к РСФСР, т.е. к Псковской губернии. Велижский уезд вообще пришлось поделить: две его волости отошли к Беларуси, а оставшиеся шесть — Псковской губернии. Возникало и множество других спорных моментов, в разрешение которых вынуждена была вмешаться Москва, а сроки работы согласительной комиссии пришлось продлить [3, д. 1502, л. 116; д. 1560, л. 208–209, 318; д. 1327, л. 112, 117, 123–124; 4]. В конечном итоге все было разрешено, хотя по ряду вопросов стороны остались при своем мнении, но вынуждены были подчиниться воле Москвы.

Проблема, связанная с положением в Псковской губернии «национальных меньшинств», в том числе белорусского населения, освещения в научной и краеведческой литературе до настоящего времени не получила. Она не являлась предметом специального исследования, почти не затрагивалась в коллективных и обобщающих работах по истории Псковского края. Исключение составляют лишь выпущенные в 1971 г. «Очерки истории Псковской организации КПСС», но в них вопросы национальной политики только затрагиваются в виде небольших фрагментов. Отдельные аспекты деятельности партийных и советских органов среди белорусского населения нашли отражение в периодических изданиях губернии изучаемого периода, которые для современного исследователя выполняют роль источника. Поэтому настоящая статья представляет собой первую

попытку изучения «белорусского вопроса» в Псковской губернии и имеет целью проследить динамику численности здесь белорусского населения в 1920-е гг., проанализировать основные мероприятия партийных и советских органов, особенно в сфере родного языка и культуры, дать объективную оценку их эффективности.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе документов псковских архивов — Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), — впервые вводимых в научный оборот, материалов всеобщих переписей населения и сообщений местной периодической печати. Для достижения поставленной цели использовались такие специальные исторические методы, как сравнительный анализ, описательный, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Увеличение доли белорусского населения в Псковской губернии, сосредоточенного главным образом в трех новых уездах, воочию показала Всесоюзная перепись населения 1926 г., и это впервые заставило партийные и советские органы обратить на него внимание. В отношении других «национальных меньшинств» работа в губернии уже велась: в губкоме РКП(б) были созданы эстонская, латышская, еврейская и польская секции, реализующие многие мероприятия организационного, просветительского и экономического характера, но не помышлялось о создании аналогичной белорусской секции, как и ведении какой-либо работы среди белорусов, например открытии специальных белорусских школ или культпросветучреждений. Пока губерния существовала в прежних границах, где белорусское население являлось немногочисленным, такая позиция была еще объяснимой, но она по инерции сохранялась и после 1924 г. Не замечали, например, даже употребления частью жителей белорусского языка, слышались утверждения типа: «Белорусов в этих уездах нет, а живет везде русское население со своим характерным деревенским оттенком в разговорной речи» [5].

Справедливости ради следует отметить, что робкие и отдельные попытки работы с белорусским населением все же намечались, главным образом, под давлением свыше — со стороны ЦК РКП(б) и Наркомпроса, требовавшим учета особенностей и специфики работы среди всех национальных групп. 27 июня 1925 г., например, Псковский губисполком впервые обсудил вопрос «Об открытии школ для обучения белорусского населения», поручив ГубОНО и уисполкомам «выяснить

необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке», для подготовки школьных работников признал необходимым направить на курсы в Минск 40 чел. — «при условии оплаты расходов по проезду частично за счет губисполкома и частью — Наркомпроса», губполитпросвету было поручено «произвести подготовку ликвидаторов неграмотности в районах, наиболее населенных белорусским населением» [3, д. 1506, л. 139]. В перечне мероприятий Псковского губисполкома «по углублению работы среди нацмен» на 1925 г. также значилось: «Опрос белорусского населения Себежского, Невельского и Велижского уездов на предмет выявления необходимости ведения среди них политпросветработы на родном языке» [3, д. 1683, л. 337]. Такой опрос был отчасти проведен во время перевыборов Советов, и 23 января 1926 г. Псковский губисполком специально рассмотрел вопрос «О ведении работы среди белорусского населения Псковской губернии». «Имея в виду сообщения мест из Себежского, Невельского и Велижского уездов, — записал он в постановлении, — что произведенный частичный опрос населения во время перевыборной кампании Советов доказал, что у белорусского населения этих уездов нет желания перейти на белорусский язык и что перевод школ и учреждений на белорусский язык будет против воли населения, но, учитывая неоднократные предложения Наркомпроса о переводе школ в этих уездах на белорусский язык, признать необходимым более глубокое изучение вопроса посредством опроса всего белорусского населения в указанных уездах. Просить Наркомпрос выслать специальную комиссию для опроса всего белорусского населения и окончательного разрешения данного вопроса на месте» [3, д. 1506, л. 397; 3, д. 424, л. 20]. Таким образом, основные мероприятия 1925 — начала 1926 г. сводились преимущественно к изучению «белорусского вопроса» в губернии на предмет целесообразности специального выделения его среди других направлений национальной политики. До практических мероприятий дело пока что не дошло, как не были преодолены и настроения значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским населением по причине отсутствия такового.

Подобные настроения убедительно опровергли результаты переписи населения 1926 г. Она выявила, что в Псковской губернии проживало почти 140 тыс. белорусов, что составляло 7,68% всего населения. Оказалось, что после русских это была самая большая национальная группа в губернии: за белору-

сами следовали евреи, но их насчитывалось немногим свыше 28 тыс. — 1,47% всего населения (доля всех «национальных меньшинств» составила в общей массе населения 11,38%) [6]. Теперь уже никаких сомнений, даже у скептиков, не оставалось: белорусы в губернии есть! Основная их масса была сосредоточена в трех новых уездах, отошедших в 1924 г. от Витебской губернии, и отчасти в Великолукском уезде, главным образом, в сельской местности. В отдельных уездах и волостях процент белорусского населения был гораздо выше [7, д. 442, л. 17].

Но «наиболее многочисленное меньшинство губернии — белорусы, является в то же время наиболее забытым в смысле культурного обслуживания, — вынужден был признать печатный орган Псковского губкома ВКП(б), прояснив одновременно и причины подобного положения. — До сих пор мы не имеем ни одной школы, ни одного политпросветучреждения, где бы занятия проходили на белорусском языке; и некоторые товарищи до последнего времени отрицали самое существование белорусского языка у той части белорусов, которая проживает в пределах Псковской губернии. И в самом деле, несмотря на 9-летнее существование Советской власти, не было никакого требования со стороны самого белорусского населения, которое свидетельствовало бы о необходимости для белорусов иметь свои школы на своем родном языке. Выходило так, что сами белорусы как будто бы совершенно забыли свой родной язык.

Вопрос о просвещении белорусов на их родном языке был поднят со стороны Центра — НКПросом и отделом национальностей при ВЦИК — в 1924 г., после того как три уезда, наиболее населенные белорусами, отошли к Псковской губернии. В настоящее время, после долгих переговоров и даже частичных опросов самого населения, вопрос как будто бы сдвинулся с мертвой точки. Летом нынешнего года (1926 г. — А.Ф.) ГубОНО направило в эти уезды специального инструктора-белоруса для выявления положения на местах. Первые результаты его деятельности говорят о том, что белорусский язык в этих уездах нельзя считать погибшим... Выяснение вопроса о существовании белорусского языка производилось и со стороны Центра путем направления отдельных научных работников в эти уезды. Но губернские и местные организации не имеют никаких данных о результатах этих обследований. Губком считает возможным разрешить перевести работу в школах и избах-читальнях на белорусский язык при желании самого населения. Главная задача — пробудить в самом белорусском населе-

нии интерес к своему родному языку, вызвать потребность его изучения» [8, с. 29–30].

«Наступило время для усиления культурно-просветительской работы среди белорусов, — писала вскоре после этого губернская газета “Псковский набат”. — До сих пор были большие трудности в организации этой работы, потому что белорусами считали многих, ничего общего по языку, быту, культуре, обычаям и др. не имеющих с белорусами. Поэтому когда делались попытки вести работу на непонятном для них языке, то они не только не получали поддержки, но в большинстве случаев наталкивались на противодействие со стороны населения, т.к. мероприятия им были непонятны. Планомерной работы среди белорусов не велось... В этом учебном году еще нет ни одной школы, где занятия ведутся на белорусском языке. В виде опыта практикуется в нескольких школах чтение литературы на белорусском языке — в районах наибольшего местожительства. Это введено с согласия населения... Политпросветработы на белорусском языке нет...» В качестве первоочередной практической меры печатный орган губернии считал необходимым «для Невельского, Себежского и Велижского уезда иметь одного (второго) инструктора УОНО, знающего белорусский язык и могущего проводить работу одинаково на русском и белорусском языке», а также рекомендовал «начинать с развития культпросветучреждений на родном языке, которых не было вообще» [9]. Предстояло, прежде всего, тщательно выявить местности, где население говорило на родном языке и где в изучении и использовании его действительно была потребность, и уже после этого переходить к практическим мерам в работе среди белорусского населения.

В том же 1926 г. для руководства работой среди белорусов при Невельском УОНО был специально выделен инструктор — белорус Стефан Иванович Хайков, в задачу которому вменялось также обследование положения и в прилегающих уездах — Себежском и Невельском (существовавший при ГубОНО с 1922 г. Совет национальных меньшинств в начале мая 1927 г. по распоряжению Наркомпроса был ликвидирован и руководство работой возложено на губинспектора по работе среди национальных меньшинств). С помощью других специалистов С. Хайков провел изучение вопроса на предмет желания населения ввести обучение детей в школах на белорусском языке, представив результаты в ГубОНО. И последнее в отчете за 1926/27 учебный год отметило ряд факторов, тормозивших работу среди белорусского населения. Как это ни странно, но сами белорусы особого желания перейти к употреблению

родного языка и его изучению не проявили: «Основная масса белорусов в большой степени русифицировалась. Произведенными обследованиями, материалы которых в свое время были посланы в ЦК Совета нацмен НКПроса, установлено, что лишь весьма небольшой процент родителей-белорусов согласился на открытие для их детей чисто белорусских школ. Такое же отношение части взрослого белорусского населения и к белорусским культпросветучреждениям. Если со стороны других национальностей в деле поднятия своей национальной культуры было проявлено много энергии, со стороны же белорусских масс, благодаря, может быть, их более низкому культурному уровню, энергии в этом направлении проявлено было мало или вовсе не было...» Но все это «отнюдь не означает, что работу среди белорусов не нужно вести, — заметил при всем этом губисполком. — Наоборот. Но указанные моменты естественно были причиной тому, что за три года, как наиболее населенные белорусами уезды — Невельский, Себежский и Велижский — были присоединены к Псковской губернии, сделано немного по специально белорусской работе» [3, д. 1669, л. 302, 303].

Невельский уисполком, решив более тщательно изучить настроения населения, 19 ноября 1926 г. образовал специальную комиссию по проведению в районах расположения школ общих сходов, на которых предстояло выявить пожелания относительно перевода обучения детей на белорусский язык. Проводились эти сходы в местах наиболее компактного проживания белорусского населения. «Население тех деревень, где проводились собрания, — отмечал инструктор С. Хайков, — более чем на 80% говорит на белорусском языке, если и есть русские слова, то они полностью находятся под белорусским выговором и трудно их отличить от белорусского языка. Это особенно замечается в отдаленных деревнях и среди беднейшего населения». Но даже в этих местах отношение населения оказалось неоднозначным. «Сходы разделились на три группы, — продолжает С. Хайков. — Первая стоит исключительно за белорусский язык и за введение такового в школу. Вторая говорит: мы белорусы, по-белорусски говорим, но учиться как-то не интересно, ибо все смеются над нами в городах, особенно русских, когда туда едем на заработки. Но против введения белорусского языка не говорят. Третья, самая культурная часть, идет против, заявляя, что учиться белорусскому языку нет никакого желания...» [10].

Еще одним мероприятием инструктора С.И. Хайкова («штаб-квартира» его находилась в Невеле, как «центре белорусских

уездов») стала организация курсов для подготовки работников, могущих вести работу среди белорусского населения на родном языке. Первоначально были проведены курсы ликвидаторов неграмотности, рассчитанные на обучение 30 человек. Невельский уполитпросвет направил для обучения 22 чел. из трех волостей, где имелись белорусы, остальные слушатели прибыли из Себежского уезда, Велижский же уезд не прислал «ни одного из-за отсутствия средств, а за свой счет они не поехали». Занятия на курсах начались 28 июля 1926 г. и продолжались ровно месяц — до 28 августа. Среди слушателей 60% были белорусами, 15% — русские и 25% — евреи. «Успехи были великолепны, — отмечал С.И. Хайков, — ибо курсанты писали безошибочно и переходили на разговорную речь. В своих анкетах они внесли пожелание продолжить работу по белорусоведению, и что белорусский язык есть их родной язык, разговорный язык деревенского уезда, на котором нужно обучать в ликпунктах».

Еще не завершили работу курсы ликвидаторов неграмотности, а уже с 15 августа начались занятия на курсах учителей (они продолжались также в течение месяца — до 15 сентября). На них предстояло обучить 30 чел., которых должны были по соответствующей разверстке направить из трех уездов. Но из-за отсутствия средств из Себежского и Велижского уездов ни одного курсанта не прибыло, и обучение проходили учителя только Невельского уезда. Перед началом работы была сформирована отборочная комиссия, которая зачисляла на курсы только тех учителей, которые проживали в волостях и деревнях с белорусским населением. Ими оказались учителя из нескольких волостей уезда — Новохованской, Володарской, Усть-Долысской, Изочинской, Чернецовской и Урицкой; 30 чел. были зачислены на полное содержание и еще 10 пожелали обучаться за собственные средства. В процессе обучения 5 чел. «за неимением средств» отсеялось, и в результате курсы окончило 35 чел. «Успех учительские курсы дали сверх ожидания, — подчеркнул С.И. Хайков, — слушатели даже выступали с ответными словами перед аудиторией в 400 чел. на белорусском языке. Успешно усвоили правописание, читали по-белорусски. Цель достигнута полностью — учителя вполне могут заниматься в школе на белорусском языке...» Учителя, как ранее ликвидаторы неграмотности, тоже признали необходимым «продолжить работу по белорусоведению».

Вскоре после завершения курсов Невельский УОНО разработал план введения родного языка в школах волостей с бело-

русским населением, переведя первоначально на него несколько групп. Для этого стали приобретаться учебники на белорусском языке [7, д. 428, л. 15]. Помимо обучения на курсах в Невеле летом 1926 г. еще 5 учителей-белорусов были направлены на курсы в Минск. В целом же первый опыт проведения курсов показал, что «что часть учителей-белорусов обнаружила определенную тягу к своему языку — 5 учителей помимо направленных приняло участие в курсах по своему желанию и на собственные средства, — отметил зав. ГубОНО Э.М. Экштейн. — В Невельском уезде выявлено 10 районов, в которых предполагается перевести школьные занятия на белорусский язык» [8, с. 30].

27 октября 1926 г. доклад о работе среди белорусов заслушивался секретариатом Псковского губкома ВКП(б), предложившего ряд направлений по ее активизации. «Учитывая, что работа среди белорусов до сих пор находилась только в стадии изучения, а также не была достаточно согласована с местными органами, что вызывало недоразумения на местах», секретариат предложил «фракции губисполкома поднять вопрос перед отделом национальностей ВЦИК о необходимости скорейшего выявления белорусского населения через НКПрос, чтобы иметь возможность точно установить — в каких районах школы должны быть переведены на белорусский язык». Не дожидаясь полного завершения этого мероприятия, секретариат считал возможным «частичный перевод школ и политпросветучреждений на белорусский язык, — там, где на это имеется полное согласие родителей, учащихся и самого населения», для чего предложил фракции губисполкома и укомам партии «дать указания на места о выявлении мнения населения об организации школ и изб-читален на белорусском языке», а ГубОНО — принять меры к обеспечению этих учреждений учебниками и литературой на белорусском языке, учителей и ликвидаторов неграмотности, окончивших курсы по белорусскому языку, в первую очередь использовать на работе в указанных учреждениях. Агитпропотдел губкома должен был связаться с белорусскими издательствами на предмет приобретения учебников и литературы на родном языке [11, д. 425, л. 180, 184; 7, д. 428, л. 14].

Менее чем через полгода, в начале марта 1927 г., секретариат губкома партии вновь вернулся к вопросу «о работе среди белорусского населения губернии», что свидетельствовало, с одной стороны, о повышении внимания к проблеме, а с другой — о недостаточной эффективности ранее намеченных мер. Секретариат поручил органам народно-

го образования в очередной раз «выявить потребность населения в открытии школ и политпросветучреждений на белорусском языке, с тем, чтобы открытие учреждений можно было приурочить к началу 1927/28 учебного года», при проведении курсов учителей и политпросветработников на белорусском языке принимать на обучение исключительно тех работников, которые «с осени 1927 г. могут быть использованы на работе в белорусских учреждениях». Он же посчитал необходимым иметь в трех «белорусских» уездах губернии второго штатного инструктора ГубОНО, «знающего белорусский язык и могущего проводить работу одновременно на белорусском и русском языках», перед ЦК ВКП(б) поставить вопрос о введении в штате губкома партии должности ответственного секретаря белорусской секции. Поскольку в Невельском уезде «небольшие элементы по изучению белорусского языка (чтение книг и газет)» стали вводиться раньше, чем в других уездах (уже в 1926/27 учебном году), то предстояло провести тщательное его обследование [11, д. 451, л. 82, 87].

Комиссия, выделенная губкомом РКП(б), прибыла в Невель 23 мая 1927 г. и приступила к изучению вопроса, имея цель выяснить, «какие конкретно достижения имеются в работе среди белорусов, как выполняются директивы губкома в этом вопросе и что следует предпринять в будущем». По итогам работы комиссия подготовила обстоятельный доклад. Как оказалось, недооценка «белорусского вопроса» в уезде полностью еще не была преодолена. «Из бесед с местными работниками выяснилось, — отметили члены комиссии, — что комплексных масс белорусского населения в уезде якобы нет, а если и есть причисляющие себя к белорусам, то по своему языку и обычаям они мало чем отличаются от русского населения, почему и широкой работы среди белорусов на белорусском языке, мол, развивать нет необходимости... Не выезжая еще на место, комиссии удалось выяснить, что не исключены случаи неправильной оценки результатов переписи (переписи населения 1926 г. — А.Ф.). Например, инструктор переписи по городу Никольский (преподаватель педтехникума) сообщил, что он лично подсчитывал результаты переписи по городу и выяснил, что белорусов по городу имеется 491 чел., но белорусский язык своим родным языком записали только 4 чел. (остальные указали русский). Отсюда, естественно, напрашивается вывод, что у 99% всех городских «белорусов» национальные белорусские корни и связи проявляются лишь формально (по отдельному происхождению), о белорусском языке никто из них почти не имеет пред-

ставления. Этот факт натолкнул на мысль, что голого учета — сколько человек записано белорусами — еще далеко недостаточно для выявления необходимости ведения работы на белорусском языке. Необходимо выяснить, какое количество говорит на белорусском языке (или близко стоящие к нему)...» Поэтому члены комиссии считали, что даже к такому цифровому источнику, как результаты переписи населения, следует подходить с большой осторожностью, ибо «все зависит от переписчика».

Но не только неточность и запутанность учета сказывались на «белорусской» работе, но и сохранявшаяся ее недооценка, как и формализм. «Осенью 1926 г. уисполком и уком поставили задачу выяснения перспектив работы в уезде на белорусском языке, — отмечалось в докладе комиссии. — Это стало следствием нажима сверху, главным образом, со стороны органов, руководивших работой среди национальных меньшинств, помимо воли и желания уездных организаций... Была дана директива, чтобы на крестьянских сходах в конце ставить вопрос о желании населения вводить белорусский язык в школах и учреждениях». Момент постановки вопроса был выбран удачно (приурочен к перевыборной кампании), но работа проводилась формально. Формально этот вопрос рассматривали и волисполкомы, которые ограничились лаконичным сообщением, что «случаев выявления желания населения развернуть работу на белорусском языке не было». В данном случае недоучтен психологический момент, который играет большое значение. В дополнение к этому УОНО разработал и разослал по уезду анкету с вопросом о необходимости введения белорусского языка, но из большинства мест никаких ответов не получил. Уисполком же решил подойти к вопросу более серьезно, создав специальную комиссию, члены которой выезжали в школы в местах компактного проживания белорусов — Новохованской, Володарской и других волостей. В некоторых местах они созывали собрания с постановкой вопроса о целесообразности введения в школах белорусского языка. «К сожалению, материалы этих собраний очень скудны, резолюции очень кратки, — заметила губернская комиссия. — По этим материалам трудно судить о настроении...»

В подтверждение того, о чем ранее свидетельствовал С.И. Хайков, «почти на каждом собрании происходило разделение на группы: 1) резко отрицательное отношение к введению белорусского языка; 2) безразличное; 3) соглашались с введением отдельных элементов, но оговаривали — частично и постепенно...» Всего в уезде выявилось 6 школ, где

население высказалось за постепенное введение белорусского языка. На них и было обращено внимание со стороны УОНО, хотя губернскую комиссию ряд моментов насторожил. В Урицкой волости, например, процент белорусского населения оказался наиболее высоким — 30,5% (6792 чел.), в то время как в среднем по уезду — 11,3%. Комиссии показалось это странным: Урицкая волость граничила с Великолукским уездом и была наиболее удалена от границы с Беларусью, а значит должна была менее всего подвергаться «белорусскому влиянию». В то же время граничившая с Беларусью Новохованская волость имела всего 4,2% белорусов (1109 чел.), хотя на самом деле их здесь должно было находиться гораздо больше, а желание изучать родной язык наиболее широким.

И вот, усомнившись в этом и полагая, что в подсчетах снова допущены ошибки, члены комиссии выехали в Новохованскую волость и в Белохвостовской школе созвали собрание крестьян с участием жителей многих окружающих деревень, решив самостоятельно изучить их настроения. «Они являлись охотно, услышав, что приехали представители губернии, — гласит запись доклада. — После постановки вопроса о введении белорусского языка мы убедились, что собрание действительно делится на три группы. Самая активная группа отнеслась резко отрицательно». Отношение к белорусскому языку будет ясно, если привести реплику одного из жителей на собрании: «Если бы знали, что по такому ерундовому вопросу собираете, не пришли бы, не стоило и от работы отрываться». Доводы против введения белорусского языка сводились к следующему: «Белорусский язык давно сгнил, никто на нем не говорит, нам полезнее было бы изучать еврейский или другой иностранный язык». Противники белорусского языка выступали так горячо, что один из них по адресу Хайкова сказал: «Когда говоришь ты по-русски — на человека похож, приятно послушать, а заговоришь по-белорусски, настоящий крокодил». Были и такие: «Что ж, ведь введение белорусского языка (частичное) в школу нам не повредит, а изучать его нам не мешает, т.к. живем рядом с Белоруссией, и мало ли какие-нибудь дела с ней, а то придет в сельсовет бумага на белорусском языке — и не прочитаешь». Встречалось, правда и благожелательное отношение к изучению белорусского языка, но весьма пассивное. Лишь одна крестьянка заявила: «Конечно, мы говорим по-белорусски, и изучать белорусский язык в школе нашим детям необходимо». Но итоги голосования по этому вопросу на собрании в Новохованской волости оказались для членов комиссии неутешительными: за введение

белорусского языка в школах проголосовало всего 12 чел. (из 80 присутствующих). Но даже эти результаты, по мнению комиссии, давали определенную надежду: хотя и проголосовало «за» только 12 чел., «но все же это показывает, что есть часть населения, желающая развертывания работы на белорусском языке».

Весьма неожиданными оказались для комиссии настроения и результаты в Урицкой волости. Когда ее члены поинтересовались у инструктора по переписи учителя Раздорова «Почему такое большое количество белорусов в волости?», то в ответ услышали: «А знаете, эта территория когда-то была под Белоруссией, и потому я инструктировал переписчиков так, чтобы записывали белорусами, а то ведь крестьяне и сами не знают, кто они такие». На вопрос «Какой язык эти “белорусы” записывали родным?» прозвучал следующий ответ: «Большинство записывали русский, я сам записался белорусом, а родным языком написал русский». После этого комиссия выехала в район коммуны «Маяк» той же Урицкой волости, где было проведено еще одно крестьянское собрание. Собрались крестьяне из 7 деревень, и большинство «были страшно удивлены, что их считают белорусами». «Это нас Мария Ефимовна перекрестила, — заявил один из пришедших на собрание, — никогда мы белорусами не были, и белорусский язык не понимаем». Присутствующая здесь же Мария Ефимовна (местная учительница) заявила, что она здесь ни при чем, а ее, мол, так инструктировали. «К выступившему на белорусском языке Хайкову, — записала комиссия, — прислушивались с интересом, но тут же заявляли, что этот язык для них совершенно чужой». При голосовании не нашлось ни одного человека, кто «поддержал бы необходимость введения хотя бы частично культуры на белорусском языке, даже от присылки газет и литературы решительно отказались: “На что нам, все равно будут лежать зря, никто не прочтет”. В результате сам белорус Хайков вынужден был признать, что здесь белорусов нет».

Комиссия, изучив то немногое, что все-таки в «белорусском вопросе» делалось, весьма критично оценила результаты проведенных летом 1926 г. курсов учителей и ликвидаторов неграмотности, подчеркнув, что подавляющая часть курсантов «не причисляла себя по национальности к белорусам, а по окончании лишь незначительное меньшинство принимало (и то случайно, не регулярно) участие в работе на белорусском языке. По сведениям УОНО в течение учебного года лишь 12 учителей из прошедших курсы принимали частичное участие в работе на

белорусском языке. В Усть-Долынской школе имеется два учителя, принимающих участие в белорусской работе, по данным переписи в Усть-Долынской волости числится всего 199 белорусов. Спрашивается, среди кого здесь можно вести белорусскую работу?» «Белорусская» работа всех 12 учителей заключалась в следующем: ученикам по их желанию выдавались для чтения на дом книги и учебники, иногда чтение белорусской литературы устраивалось в школе, в отдельных случаях разучивались белорусские стихи и песни, изредка практиковались постановки. «Вся эта работа проводилась нерегулярно, в порядке проявления инициативы со стороны того или иного учителя, — записала комиссия. — Систематической белорусской работы (например, планомерного вкрапливания в учебный план преподавания белорусского языка и других видов работы на языке) в школах не проводилось, точные результаты выявить довольно трудно».

Через Наркомпрос БССР в уезд было направлено большое количество литературы на белорусском языке: учебников для школ I ступени — 5500 экз., политической литературы и беллетристики — 5100 экз., научных книг — 300 экз., но ко времени обследования большая часть ее оставалась не обработанной и даже не была разослана по школам: отправленными оказались всего 10% учебников, 60% беллетристики и 30% научной литературы. У местных органов (уисполкома и УОНО) не было даже достаточной ясности, какие волости и школы нуждаются в белорусской литературе и в каком количестве. В некоторые избы-читальни и школы через уполитпросвет были выписаны белорусские газеты и журналы, но использовались они в небольшой мере.

«Таким образом, предположение, что к переписи не было достаточно серьезного и вдумчивого отношения, подтвердилось, — подчеркивалось в докладе комиссии, — и это тем более непростительно, что белорусский вопрос для Невельского уезда в течение последних двух-трех лет является вопросом довольно большим, а также и весьма спорным». А посему, посчитала комиссия, «все районы Урицкой волости, где живут по данным переписи 6792 белоруса, должны подвергнуться со стороны уездных организаций детальному изучению...»

И, конечно же, комиссия сделала свое заключение, попытавшись объяснить причины пассивного и даже безразличного отношения белорусского населения к изучению и использованию родного языка. И здесь она коснулась экономического положения Невельского уезда, «и прежде всего экономи-

ческого тяготения и тенденций дальнейшего хозяйственного развития, что позволяет выявить направления развития языка и культуры». Границы уезда и численность населения несколько раз менялись, главным занятием жителей являлось земледелие, промышленность в уезде не получила значительного развития. Экономика уезда носила ярко выраженный «потребляющий» характер: хлеба собственного производства никогда не хватало, большое количество продуктов было привозным. Так, в 1925/26 г. в уезд было ввезено 150 тыс. пудов хлеба. Вследствие этого широкое распространение получили отхожие промыслы, и они были направлены отнюдь не в сторону Беларуси, а прежде всего Ленинграда, чему во многом способствовало удобное железнодорожное сообщение. Так, еще в дореволюционное время из уезда в Петербург ежегодно уходило до 16 тыс. чел., эта тенденция сохранилась и после революции. Экономические связи с Беларусью были слабыми: оттуда уезд получал спички, а в Витебск отправлял некоторое количество рыбы, с Ленинградом же, наоборот, эта связь крепла. Все это не могло не сказаться на «русификации» белорусского населения и выходе из обращения белорусского языка. «Белорусский язык, — отметила комиссия, — имевший в прошлом в Невельском уезде несомненно большие нормы, в течение последних 50 лет систематически и очень быстро вытесняется, т.к. все экономические связи населения Невельского уезда идут к северу (к Ленинграду)... Это определяет и направление эволюции языка, а значит население на белорусском языке в Невельском уезде будет уменьшаться, и потребность в нем тоже» [11, д. 451, л. 238–243].

Несмотря на такой вывод, члены комиссии в то же время не считали необходимым свернуть все попытки внедрения и изучения белорусского языка в уезде, как и в соседних Себежском и Велижском, тем более что об этом продолжали напоминать директивы вышестоящих органов. Такой же линии придерживался и Псковский губком ВКП(б), секретариат которого 11 июня 1927 г. заслушал доклад комиссии о результатах обследования работы среди белорусов в Невельском уезде. Он отметил, что уездные организации недостаточно изучали «белорусский» вопрос, особенно в местах компактного проживания белорусского населения, рекомендовал при составлении плана работы советских органов на 1927/28 г. обязательно предусмотреть вопросы работы среди белорусов, продолжить работу курсов учителей и политпросветработников на белорусском языке, но при этом «исходить из принципа, чтобы все прошед-

шие курсы работники могли быть посланы в районы проживания компактных масс белорусского населения и использованы на этой работе». Секретариат также посчитал целесообразным не ослаблять работы по введению белорусского языка в школах, «если будет налицо желание населения», и к этой работе «подходить осторожно и постепенно, начиная с простейших форм работы (чтение газет и книг, постановка спектаклей, разучивание отдельных песен) и вовлекая в нее не только детей-школьников, но и взрослое население», «эти простейшие формы работы прививать во всех школах, где в разговорном языке населения есть большее влияние белорусского языка и речи». При рассмотрении секретариатом указанного доклада было уже известно, что Псковская губерния вскоре перестанет существовать, поэтому он предлагал «при комплектовании штатов будущего Великолукского ОкрОНО включить в последний одного инспектора-белоруса для обслуживания белорусского населения округа» [11, д. 451, л. 230, 232].

С октября 1927 г. вследствие административной реформы территория упраздненной Псковской губернии была включена в состав обширной Ленинградской области, и вместо губернии были образованы два округа — Псковский и Великолукский. Бывшие Невельский, Себежский и Велижский уезды, разделенные на ряд более мелких районов, оказались в составе Великолукского округа. Поскольку именно эти уезды, а теперь районы, были местом сосредоточения в бывшей губернии основной массы белорусского населения, то процент его в составе теперь уже Великолукского округа значительно повысился, составив 33,6% [12, д. 172, л. 101]. Поэтому «белорусский» вопрос в округе становился еще более актуальным и оказался в поле зрения окружных организаций.

Уже в январе 1928 г. Великолукский ОкрОНО подготовил «Материалы по введению белорусского языка в культпросветучреждениях округа». Отметив, что «подготовительная работа к введению белорусского языка началась в 1925/26 учебном году (и тогда же были проведены курсы с преподавателями белорусского языка), в 1926/27 г. организовали такие же курсы для 36 учителей и 18 избачей, в 20 школах стали получать газеты на белорусском языке, ОкрОНО все же вынужден был констатировать, что «все эти мероприятия не имели достаточного успеха, т.к. со стороны населения встречалось противодействие данному вопросу». Но от избранного курса ОкрОНО все же не отказывался: хотя «вопрос о белорусизации уездов если и не стоит так остро в связи с тем, что экономическая тяга

населения направлена в сторону Ленинграда, то все же есть компактные массы белорусского населения, где вкрапливание белорусского языка необходимо». В то же время принципиально ничего нового в «белорусском» вопросе ОкрОНО не предлагал, решив продолжать то, что уже делалось ранее: «определить районы с компактным проживанием белорусского населения и провести работу по введению белорусского языка в школах», «распространить работу на белорусском языке на взрослое население в избах-читальнях, ликпунктах и др.», «учесть все силы, которые можно использовать в этом деле» и т.п. ОкрОНО, правда, наметил сеть школ и изб-читален, в которых введение белорусского языка предусматривалось осуществить уже в 1928/29 учебном году: в 11 школах (9 в Невельском районе и по одной в Пустошкинском и Поречьевском) и двух избах-читальнях, а в начале февраля 1928 г. решил созвать совещание руководителей учреждений, с которыми обсудить практические вопросы изучения белорусского языка: обучения чтению, письму, пересказу, разучиванию стихотворений, декламации, ведению беседы, выпуску стенгазеты и др. [12, д. 25, л. 98–99].

Намеченное совещание состоялось в конце марта 1928 г. в Невеле под названием «съезд просвещенцев-белорусов». На нем присутствовало 25 чел. — школьные работники, избачи и красноугольцы, заслушавшие доклад на белорусском языке. Вновь отмечалось, что «местные организации очень мало интересовались работой среди белорусов», в результате в Невельском, Пустошкинском и Поречьевском районах белорусский язык введен только в шести школах I ступени, окончившие их дети не имеют возможности продолжать изучение родного языка из-за неразвитой сети школ II ступени, развернули работу по культурному обслуживанию белорусов четыре избы-читальни, устраиваются спектакли на белорусском языке, выпускаются стенгазеты, но всего этого явно недостаточно [13].

К концу 1927/28 учебного года сеть белорусских школ в округе была доведена до 10 (с 15 комплектами и 600 учащимися), а к концу следующего, 1928/29 г., она расширилась до 25 школ. Но «белорусскими» эти школы можно было назвать с большой долей условности, ибо, как подчеркивал окружком ВКП(б), «все национальные школы работают на родном языке за исключением белорусских, где родной язык введен как отдельный предмет преподавания». Поэтому в следующем году намечались полный перевод на белорусский язык трех школ, введение предмета «Белорусский язык» еще в 10 школах Невельского района,

выделение 1100 руб. для оказания помощи на питание детям бедняков-белорусов, организация двух белорусских ликпунктов и 4-х белорусских школ для малограмотного взрослого населения, 9 кружков при школах сельской молодежи [12, д. 143, л. 5, 17]. Секретариат Великолукского окружкома ВКП(б), заслушав 6 апреля 1929 г. доклад «о состоянии нацменработы среди белорусского населения округа», отметил «относительный сдвиг в сторону лучшего обслуживания населения школьной сетью..., политико-просветительского обслуживания, подготовки школьных работников», и для закрепления имеющихся достижений наметил ряд мер. Он предложил «провести широкую разъяснительную работу с белорусским населением о национальной политике партии и Советской власти; приступить к организации как в Великих Луках (при клубах), так и в районах (при избах-читальнях), имеющих белорусское население, групп белорусского актива, в которых начать изучение белорусского языка, истории Белоруссии, культуры и искусства; проработать вопрос об открытии одной белорусской школы повышенного типа (школы-семилетки, белорусского отделения при Невельском педтехникуме)» [12, д. 86, л. 55].

Но через год, в апреле 1930 г., бюро Великолукского окружкома ВКП(б), в очередной раз заслушав доклад «о работе среди нацмен», признало ее «совершенно неудовлетворительной» и рекомендовало ОкрОНО разработать новый план мероприятий по организации «соответствующей сети школ и изб-читален на белорусском языке». Речь также шла о вовлечении белорусского населения в колхозы [12, д. 172, л. 101–102].

Но в том же 1930 г. округа в качестве промежуточного звена между областью и районом были повсеместно ликвидированы, и теперь работу среди «национальных меньшинств», в том числе белорусов, предстояло продолжать районным организациям.

Следует сказать еще об одной странице, касающейся белорусского населения Псковского края и отношений его с Беларусью. С 1924 г., т.е. еще в «губернский» период, в Невеле начало действовать общество краеведения (в Себеже и Велиже они организовались только в 1926 г.), в его работе помимо других вопросов немалое место занимали этнографические проблемы, в частности состав населения. Один из членов общества Н. Зорин опубликовал по этой теме большую статью в сборнике псковских краеведов, рассмотрев в историческом аспекте вопрос о распространении белорусского языка и говоров и одновременно заметив, что «Институт культуры Белоруссии в последние два года посы-

лал в наши места несколько экспедиций — и просто обследовательских, и экспедиций научно-исследовательских (этнографическая экспедиция тт. Сербова и Гриневича и демографическая проф. Бузука)» [14, с. 33].

Комиссия губкома ВКП(б), изучавшая в мае 1926 г. состояние работы среди белорусского населения Невельского уезда, тоже определила: «общество краеведения в течение нескольких лет занималось изучением бытовых и разговорных особенностей Невельского уезда, в результате скопился ценный материал», но он «не используется в нужной мере при изучении белорусского вопроса, чувствуется оторванность общества от уездных органов». Секретариат же губкома при заслушивании доклада комиссии заметил, что в деле изучения белорусского вопроса «громдную помощь может оказать общество краеведения» [11, д. 451, л. 232, 243].

Факт пребывания белорусской этнографической экспедиции в Псковской губернии подтверждается и документально. В мае 1926 г. в Псковский губисполком от руководства Института Белорусской культуры поступило следующее письмо: «Для изучения народного быта, культуры материальной и духовной, народного искусства и живого языка бывшей части Витебской губернии, теперь находящейся в границах Псковской губернии, Институт Белорусской культуры снаряжает текущим летом в названные области этнографическую экспедицию под руководством ученого-этнографа Сербова Исаакия Аврамовича с прикомандированием к нему соответствующих специалистов. Отправным пунктом научной работы экспедиции намечены Невель и весь его озерный район до Рубежника на западе и Велижа на востоке. Просьба оказать вышеозначенному т. Сербову возможное содействие при выполнении возложенного на него поручения» [3, д. 1683, л. 912].

В 1926 г. в губернской газете появилось сообщение о первых в послереволюционное время археологических раскопках в Себежском уезде, начавшихся при проведении земляных работ: «Пограничный отдел под наблюдением уездного общества краеведения в местности, где в древности был “Себежский замок”, произвел выемку земли. Извлечены старые кирпичи, бронзовый браслет и гвозди», а затем в научное исследование включился Белорусский институт истории материальной культуры, сотрудники которого «под руководством проф. И.А. Сербова сделали раскопки при д. Чернея и Горбуны, причем обнаружены остатки кривичских погребений и найдены арабские и англо-сакские монеты. “Погребения” сфотографированы,

а монеты отправлены в Белорусский институт материальной культуры» [15]. В июле 1927 г. в Себеже открылся музей истории местного края, и среди его экспонатов в числе прочих были «предметы, добытые из курганов, раскопки которых производились недалеко от Себежа. Есть коллекция орудий каменного века, найденных в Себежском уезде» [16].

Однако успешная деятельность краеведческих обществ на рубеже 1920–1930-х гг. прервалась.

Заключение. Партийные и советские органы Псковской губернии, а с 1927 г. — образованных на ее территории Псковского и Великолукского округов, постепенно преодолевая укоренившуюся недооценку «белорусского вопроса» вплоть до полного его игнорирования в начале 1920-х гг., вынуждены были им заняться. Они неоднократно предпринимали попытки изучения положения и нужд белорусского населения в местах компактного его проживания, анализировали результаты проводимых обследований, занялись вопросами использования белорусского языка в школах и культпросветучреждениях, распространения национальной литературы и др. Однако усилия эти, по собственному их признанию, оказались малоэффективными как по причине упорного нежелания самого белорусского населения, в значительной степени на территории Псковской губернии «обрусевшего», так и слабого экономического тяготения районов его проживания к собственно Беларуси.

Литература

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. XXXIV. — Псковская губерния. — Тетрадь 2. — Псков, 1904.
2. Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 г. — Псковская губерния. — Вып. 1: пол, возраст, грамотность. — Псков, 1921.
3. Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). — Ф. Р-590. — Оп. 1.
4. Псковский набат: орган Псковского губкома РКП(б) и губисполкома. — 1924. — 16 апр.
5. Псковский набат. — 1926. — 28 сент.
6. Псковский набат. — 1927. — 1 февр.
7. Государственный архив новейшей истории Псковской области (далее ГАНИПО). — Ф. 1. — Оп. 4.
8. Спутник большевика: орган Псковского губкома ВКП(б). — 1926. — № 10–11 (62–63).
9. Псковский набат. — 1927. — 2 апр.
10. Псковский набат. — 1927. — 4 марта.
11. ГАНИПО. — Ф. 1. — Оп. 1.
12. ГАНИПО. — Ф. 5712. — Оп. 1.
13. Наш путь: орган Великолукского окружкома ВКП(б) и окрисполкома. — 1928. — 3 апр.
14. Зорин, Н. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения / Н. Зорин // Познай свой край: сборник Псковского общества краеведения. — Вып. 3. — Псков, 1927.
15. Псковский набат. — 1926. — 29 авг.
16. Псковский набат. — 1927. — 21 авг.

Поступила в редакцию 15.11.2016 г.